В. А. Бессонов

Нормативные документы, определявшие содержание военнопленных в Российской империи в 1812 г.

При рассмотрении многочисленных вопросов, которые возникают в процессе разработки темы, связанной с пребыванием на территории Российской империи военнопленных 1812 г., исследователи вынуждены обращаться к отдельным распоряжениям, регулировавшим поступление, препровождение, финансирование, продовольствование, размещение и распределение пленных. Эти документы составлялись, в большей части, на основе высочайших повелений и выражали стремление государственной власти организовать соответствующее содержание военнопленных, соблюдая интересы страны и заботясь о жизни попавших в плен представителей неприятельской армии.

Анализ всего комплекса распоряжений органов государственной власти позволяет представить себе систему содержания военнопленных на территории Российской империи, узнать о некоторых мерах, предпринимаемых правительством для обеспечения существования пленных, проследить динамику процесса пребывания пленных в Российской империи, а так же получить целостное представление о вопросах, касающихся военнопленных 1812 г., которые стояли перед государственной властью и способах их решения.

Сложность этой задачи, связана в первую очередь, с выявлением в центральных государственных архивах комплекса предписаний о содержании пленных. Так, в Государственном архиве Российской Федерации существует фонд Особенной канцелярии Министерства внутренних дел (ф.1165.), относившейся сначала к Министерству полиции. Эта канцелярия, в основном, и осуществляла регулирование положения военнопленных 1812 г., но содержащиеся в фонде отрывочные материалы не дают возможности получить представление о предписаниях, регламентировавших содержание пленных. Подобное положение наблюдается и в Российском государственном военно-историческом архиве (ф.1. Канцелярия военного министерства). Однако для выявления представительной выборки документов органов государственной власти возможен еще один путь — это анализ дел, связанных с военнопленными, в региональных архивах. Определенные преимущества этого подхода заключаются еще и в том, что на систему содержания военнопленных оказывали свое влияние различные органы власти, чьи распоряжения намного

проще проследить при знакомстве с архивами тех мест, через которые препровождались и где размещались военнопленные 1812 г.

Для решения поставленной задачи была предпринята попытка выявить в Государственном архиве Калужской области документы, направлявшиеся на имя калужского губернатора, в которых гражданским и военным начальством регламентировались вопросы, связанные с военными. В фонде Канцелярии гражданского губернатора (ф.32.) удалось обнаружить около 100 предписаний, касающихся различных сторон существования пленных в период с 1806 по 1814 гг. Анализ этих документов вместе с опубликованными материалами, в том числе и в Полном собрании законов Российской империи, позволяет получить комплексное представление о нормативных документах, регулировавших пребывание военнопленных на территории России.

В исследовании этого вопроса Калужская губерния является достаточно перспективной, так как на протяжении всего времени пребывания военнопленных 1812 г. в Российской империи она выполняла различные функции по отношению к пленным в зависимости от изменения военной обстановки. Поступление, содержание и препровождение военнопленных в губернии регулировались соответствующими предписаниями государственных органов власти, характерными и для других регионов, связанных с пребыванием пленных Великой армии.

В данном сообщении на основе документов, выявленных в Государственном архиве Калужской области, и опубликованных материалов делается попытка обобщить и проанализировать комплекс распорядительных источников, определявших положение пленных в Российской империи в период Отечественной войны 1812 г.

Основа системы содержания в государстве военнопленных была заложена еще в ходе войны с Францией 1806–1807 гг. 28 ноября 1806 г. (даты по старому стилю) министр военных сухопутных сил С. К. Вязмитинов направил министру внутренних дел отношение о содержании и отправлении взятых в плен неприятельских солдат[1]. По высочайшему повелению императора всех военнопленных необходимо было препровождать в Гродно, а оттуда по определенному маршруту отсылать в Казань. Для помещения нижних чинов назначались Вятская и Пермская губернии, а всех офицеров положено было содержать в Симбирске. В Гродно пленные должны были получать соответствующую времени года одежду и обувь. На пропитание и исправление вещей ежедневно выделялись деньги: генералам 3 руб., полковникам и подполковникам 1 руб. 50 коп., майорам 1 руб., капитанам и прочим офицерам 50 коп., унтер–офицерам 7 коп., рядовым и нестроевым 5 коп. Эти суммы положено

было отпускать на 7 дней вперед. Нижним чинам также назначалась месячная выдача провианта “против солдатских дач”. Финансирование определялось из средств, ассигнованных Комиссариату через Казенные палаты. Помимо этого, в документе оговаривалась система препровождения и принятия пленных на местах. Так, под экипаж и провиант предписывалось, согласно Рекрутскому учреждению, требовать по одной обывательской лошади на 12 нижних чинов, две лошади на двух офицеров и одну подводу на двух тяжело больных. Всех заболевших в пути положено было сдавать в городские больницы. Губернские органы обязывались оказывать конвойным командам возможное пособие в удовлетворении законных требований. На жительство пленные распределялись в губернских и уездных городах. Им запрещалось вести переписку с кем бы то ни было, пресекались способы к побегам и отлучкам и вводилась общая ответственность за “скромное и послушное” поведение, с тем, “что за дерзкое какое–либо поведение одного, отвечают все они”. Именные списки и ежемесячные ведомости о состоянии пленных необходимо было присылать на имя министра военных сухопутных сил.

8 апреля 1807 г. в отношении военнопленных последовал именной указ императора, объявленный министру внутренних дел и министру финансов[2]. А 24 июня 1807 г. министр военных сухопутных сил по высочайшему повелению направил одно отношение к Пермскому и Вятскому генерал–губернаторам и Симбирскому, Вологодскому и Костромскому гражданским губернаторам [3], а другое — к начальникам губерний, через которые должны были следовать назад военнопленные[4]. Эти распоряжения дополняли и уточняли вопросы, связанные с размещением и препровождением военнопленных.

В начальный период Отечественной войны 1812 г. забота о военнопленных ложилась, в основном, на главнокомандующих армиями, которые по “Учреждению для управления большой действующей армией” от 27 января 1812 г.[5] наделялись огромными полномочиями. Согласно “Учреждению” все распоряжения по военнопленной части входили в обязанность дежурного генерала, возглавлявшего Дежурство армии Главного штаба (§ 134). Все пленные должны были поступать в ведение штаба армии из корпусов, а в последние — из дивизий (§ 55, 60). В Дежурстве армии вопросы, связанные с военнопленными, решались во 2–м отделении, ведавшим полицией армии (§ 72). Неприятельские дезертиры поступали в ведение генерал–гевальдигера, исполнявшего должность военного полицмейстера в лагере армии и подчинявшегося дежурному генералу (§ 165). Всех пленных и дезертиров принимал комендант Главной квартиры, находившийся под начальством дежурного генерала,

из Дежурства армии и от генерал–гевальдигера, и по соответствующему назначению отправлял их, куда следует (§ 214). Для присмотра и препровождения военнопленных использовался конвой главной квартиры, состоявший в ведении дежурного генерала (§ 287). В “Учреждении”, кроме системы распределения ответственности за военнопленных между должностными лицами, имелись еще соответствующие параграфы, запрещавшие отбирать одежду у пленных, покупать у них оружие и лошадей, а также принимать военнопленных в услужение (§ 403, 404, 435).

Первых пленных 1812 г. главнокомандующие армиями отправляли, вероятно, только в Киевскую, Черниговскую, Смоленскую и Тверскую губернии. С 21 по 29 июня начальником Главного штаба 1–й армии Ф.О. Паулуччи было учреждено постановление о содержании военнопленных для дежурного генерала[6], которому следовали при отправлении пленных во внутренние губернии и в других армиях. В документе требовалось отпускать на суточное продовольствие нижним чинам 10 коп. и “обыкновенную дачу солдатского провианта”, дезертирам провиант и 15 коп., обер–офицерам 1 руб., майорам и подполковникам 2 руб., полковникам 3 руб., генералам 4 руб. и полным генералам 8 руб., а проводникам провиант и 25 коп. Порционные деньги за границей и в литовских губерниях положено было выдавать серебром, а в России медью. Установленные расценки продолжали действовать в армии почти на всем протяжении 1812 г.

Примерно во второй половине июля последовало высочайшее повеление главнокомандующим армиями отправлять пленных во внутренние губернии по их назначению. Выполняя это распоряжение, главнокомандующий 2–й армией П.И. Багратион предписал Киевскому и Черниговскому губернаторам направить всех ранее присланных пленных вТамбов[7]. В своем повелении он особо останавливался на вопросах отправления и содержания пленных в пути, основываясь на постановлении учиненном начальником Главного штаба 1–й армии.

Нестабильная обстановка, складывавшаяся на театре военных действий, приближение неприятеля к центральным губерниям России и увеличивающееся число пленных заставили, видимо, пересмотреть вопрос о распоряжении по военнопленной части, и передать, в основном, его решение в августе 1812 г. из ведения военных органов в гражданские. С этого времени практически все распоряжения, касающиеся содержания военнопленных на территории России, стали исходить из Министерства полиции за подписью главнокомандующего в Санкт–Петербурге и управляющего этим Министерством Вязмитинова. А рассылка предписаний и связь с гражданскими губернаторами осуществля-

лась, главным образом, через 3–й стол Особенной канцелярии Министерства полиции, управляющим которой был М. Я. Фон–Фок.

14 августа 1812 г. последовало, вероятно, первое циркулярное отношение главнокомандующего в Санкт–Петербурге о пленных[8]. В нем Вязмитинов касался общих вопросов размещения и охраны, а также требовал доставления списков поступающих военнопленных. Но главным документом, который определил содержание пленных 1812 г. на весь период их пребывания в России, стало циркулярное предписание от 29 августа[9]. В его основу легли положения, разработанные и изложенные еще в 1806–1807 гг.

По высочайшей воле, для жительства пленных назначались Астраханская, Пермская, Оренбургская, Саратовская и Вятская губернии. Для препровождения помимо военных конвоев предписывалось использовать и внутреннюю стражу. Партионных офицеров необходимо было снабжать деньгами, тетрадью для записи расходов и подробной инструкцией определенного содержания. В предписании требовалось, чтобы “пленным нигде ни от кого притеснения оказываемо не было, но чтобы и они вели себя скромно и послушно, за чем иметь наблюдение, внушая им, что за дерзкое поведение одного, отвечают все они”. Для конвойной команды и пленных назначалась на 12 человек одна обывательская подвода, для тяжелобольных одна подвода на двух человек и одна пароконная подвода для двоих офицеров. При следовании через губернии земские и гражданские власти обязывались оказывать конвойным командам пособие и законное удовлетворение требований. О том, что партия пленных шла “смирно и добропорядочно” через губернию офицер должен был испрашивать свидетельства у губернатора. От губернаторов зависело обеспечение пленных необходимой одеждой и обувью. Заболевших пленных положено было отдавать в городские больницы и после выздоровления отсылать в назначенные для жительства губернии. Для размещения пленных на местах назначались губернские и уездные города. Военнопленные оставались под присмотром полиции и лишались возможности вести переписку. Для учета пленных предписывалось своевременно доставлять Вязмитинову списки.

В предписании вводилось новое денежное содержание пленных. Унтер-офицерам, рядовым и нестроевым положен был солдатский провиант и 5 коп., обер-офицерам 50 коп., майорам 1руб., полковникам и подполковникам 1 руб. 50 коп., генералам 3 руб. Порционные деньги требовалось выдавать на 7 дней вперед. Финансирование военнопленных указано было производить из Казенных палат, о чем Вязмитинов отнесся к министру финансов. В ответ на это Экспедиция о государ-

ственных доходах Министерства финансов разослала предписания Казенным палатам, чтобы из них и Уездных казначейств по требованиям губернаторов отпускались деньги на содержание и отправление военнопленных, уведомив об этом самих губернаторов. Подобное отношение от 5 сентября получил и Калужский губернатор[10].

За оставшийся период 1812 г. главнокомандующий в Санкт–Петербурге направил губернаторам еще 10 циркулярных предписаний, дополняющих и уточняющих главное распоряжение о содержании пленных от 29 августа.

Один из основных вопросов, на который обращал внимание Вязмитинов, был связан с препровождением и содержанием военнопленных. 5 сентября последовало предписание, в котором главнокомандующий требовал от губернаторов следить за порядком при следовании партий пленных через губернии, которые по дошедшим до него сведениям "чинят разные обиды обывателям, оказывают неповиновение к конвойным командам, самовольно отлучаются и разными буйствами и неистовыми поступками вселяют страх в поселянах и возмущают их спокойствие"[11]. Спустя несколько дней, 17 сентября, главнокомандующий в Санкт–Петербурге вновь обратился к губернаторам с предписанием, в котором давал распоряжение о конвое для следующих в дальние губернии пленных. В связи с недостатком внутренней стражи, занятой в рекрутском наборе, Вязмитинов требовал от начальников губерний отправлять пленных "за обывательскими конвоями под надзором земских и дворянских чиновников"[12]. 8 ноября по повелению императора, до которого дошли сведения "о тягостном и бедственном положении пленных из армий через губернии препровождаемых"[13], главнокомандующий предписал губернаторам следить за снабжением пленных необходимой в зимнее время одеждой и обувью. А 19 ноября для начальников губерний было составлено предписание, в котором подробно расписывалось, какую одежду и в каком количестве необходимо выдавать военнопленным, следующим в дальние губернии[14].

Последний документ главнокомандующего, связанный с препровождением пленных в 1812 г., был разослан губернаторам 19 ноября. В нем указывалось, что в связи с отдаленностью Пермской губернии и возникающими в пути затруднениями необходимо ограничить присылку туда направляемых из армии пленных[15].

Кроме вопроса отправления пленных в дальние губернии Министерство полиции в 1812 г. обращало внимание на содержание и распределение пленных разных наций и профессий. Первое распоряжение Вязмитинова от 22 октября касалось судьбы пленных польской нации. По

высочайшему повелению всех военнопленных поляков положено было отделять от других пленных и отправлять в г. Георгиевск в распоряжение генерал–майора Портнягина[16].

Целый комплекс предписаний был связан с испанскими и португальскими пленными. 29 октября 1812 г. губернаторам было направлено два распоряжения. В первом из них главнокомандующий в Санкт–Петербурге требовал от губернаторов уведомления о количестве и месте пребывания военнопленных испанцев и португальцев[17]. А во втором Вязмитинов обращал внимание губернаторов на то, что по высочайшему повелению военнопленным нижним чинам испанской нации устанавливалась суточная выплата в 15 коп. Относительно же других пленных главнокомандующий требовал неуклонного исполнения циркулярного предписания от 29 августа[18]. 15 ноября последовало новое предписание Вязмитинова, в котором он распорядился присылать всех испанцев и португальцев в Санкт-Петербург[19]. Такое отношение к пленным этих наций было вызвано, вероятно, наличием договора с Испанией и желанием создать особый национальный легион для последующей борьбы с Наполеоном.

В конце 1812 г., вероятно, уже встал вопрос об использовании военнопленных в экономике России. 10 декабря Вязмитинов направил губернаторам предписание с требованием выявить пленных, знающих суконное мастерство, остановить их отправку в дальние губернии и направить о них в Санкт–Петербург определенные сведения[20].

В 1812 г. помимо предписаний Вязмитинова губернаторы получали еще различные распоряжения и из Главной квартиры действующих армий. Особенно это касалось территорий, прилегающих к театру военных действий, в число которых входила и Калужская губерния. Так, задолго до предписания Вязмитинова об отсылке военнопленных испанской и португальской наций в Санкт–Петербург, комендант Главной квартиры С. Х. Ставраков направил Калужскому губернатору П.Н. Каверину отношение от 1 октября с требованием отправлять в столицу пленных испанцев, португальцев, вестфальцев, гессенцев и ганноверцев[21]. По требованиям коменданта на протяжении всего 1812 г. дезертиры получали по 15 коп. в сутки[22]. 14 октября Главнокомандующий армиями М.И. Кутузов предписал Каверину выдавать пленным нижним чинам 10 коп. и провиант, обер–офицерам 1 руб. и штаб–офицерам 2 руб[23]. Это противоречило распоряжению Вязмитинова от 29 августа, но учитывая то, что Калужская губерния была на военном положении и приказы Кутузова приравнивались к высочайшему повелению, военнопленные в Калуге до появления предписания Министерства полиции от 29 октября получали

порционные деньги, установленные Главнокомандующим всеми армиями.

В ноябре–декабре Кутузов, видимо, на основании высочайшего рескрипта от 7 ноября о тяжелом положении военнопленных, следующих в дальние губернии[24], направил предписания Тамбовскому, Пензенскому, Саратовскому, Воронежскому, Астраханскому и Рязанскому губернаторам с требованием неусыпно следить за порядком в содержании проходящих партий и поступать по закону с неисполняющими свои обязанности партионными офицерами[25].

В декабре 1812 г. дежурный генерал П.П. Коновницын, выполняя рескрипт императора Кутузову от 8 ноября, разослал губернаторам отношение с требованием отсылать французских, итальянских и голландских пленных, желающих сражаться против Наполеона, в Орел, где по высочайшему повелению должен был формироваться специальный легион[26].

Поступавшие из Главной квартиры к губернаторам распоряжения принимались к исполнению и тем самым, наряду с предписаниями из Министерства полиции, ложились в основу системы содержания военнопленных.

В конце 1812 г. на территории многих губерний, расположенных вдали от театра военных действий, начали появляться эпидемические заболевания, одной из главных причин которых стало появление в городах и деревнях большого числа зараженных “прилипчивыми” болезнями пленных. 16 декабря 1–й отдел Медицинского департамента Министерства полиции направил циркулярное предписание за подписью Вязмитинова к губернаторам с требованием оградить жителей от больных военнопленных и принять меры к ограничению распространения повальных болезней, возникающих от пленных и неубранных мертвых тел[27].

Следующим шагом в борьбе с распространением эпидемических заболеваний стало положение Комитета министров, доведенное до сведения губернаторов главнокомандующим в Санкт–Петербурге в предписании от 24 декабря. В нем от начальников губерний требовалось приостановить движение партий пленных в дальние губернии и оставить военнопленных в тех местах, где их застанет распоряжение “до того времени, пока они совершенно оправятся”[28]. Повторное предписание с требованием остановить военнопленных последовало уже 28 января 1813 г. и было, видимо, связанно с инерцией, возникшей в отправлении военнопленных в дальние губернии[29].

С этого момента начинается новый этап пребывания военнопленных в Российской империи, продлившийся до полной их репатриации. В тот период, уже не зависящий от военной обстановки, решение всех вопро-

сов по военнопленной части окончательно перешло к гражданским властям. За 1813–1814 гг. было завершено создание системы содержания пленных 1812 г. в России и разработаны положения, определявшие возможное участие военнопленных в жизни страны для уменьшения казенных издержек. Губернаторам было разослано более 70 предписаний, затрагивающих вопросы содержания и распределения пленных, доставления списков и поиска отдельных лиц, вступления в подданство и возвращения пленных на родину.

В период Отечественной войны была создана основа системы содержания пленных военного времени, что характеризовало первый этап пребывания военнопленных 1812 г. в Российской империи. Первоначально все распоряжения по военнопленной части исходили от военного начальства на основе высочайших повелений, однако с августа 1812 г. основные функции по созданию нормативной базы пребывания пленных в России легли на плечи гражданской власти. Основным документом, регламентирующим положение пленных, было циркулярное предписание от 29 августа, созданное на основе системы, разработанной еще в 1806–1807 гг. Остальные предписания Вязмитинова за 1812 г. касались, в основном, препровождения, финансирования и распределения военнопленных. В большей части это было реакцией на события, происходившие при отправлении пленных в дальние губернии. Исходившие из Министерства полиции в 1812 г. предписания постепенно уточняли и расширяли положение от 29 августа. Вместе с тем военные власти и после передачи основных полномочий гражданским органам в течение всего 1812 г. продолжали оказывать определенное воздействие на вопросы, связанные с содержанием военнопленных во внутренних губерниях. Решение оставить пленных на местах явилось следствием изменившейся военной обстановки и ознаменовало переход к новой организации пребыванияпленных в Российской империи в условиях мирной жизни.

В отношении военнопленных государство решало фактически две проблемы. С одной стороны, стояла задача удалить пленных от театра военных действий, с другой — создать военнопленным условия для поддержания их жизни. В начальный период войны решение этих вопросов находилось в ведении военного начальства. Пленные отправлялись в ближайшие от места боевых действий губернии, и по постановлению Паулуччи им выдавались порционные деньги и провиант. Положение дел меняется с августа 1812 г., когда через Министерство полиции губернские органы власти начали получать предписания главнокомандующего в Санкт–Петербурге, регулировавшие положение пленных в

империи. В распоряжениях четко оговаривалось, куда именно препровождать пленных, как их содержать в пути и какими средствами сохранять им жизнь.

Для размещения пленных назначались дальние губернии: Астраханская, Пермская, Оренбургская, Саратовская и Вятская. До назначенных мест пленные должны были следовать под надлежащим конвоем. Для облегчения пути военнопленным выделялось определенное количество подвод, причем в этом случае большими преимуществами пользовались пленные офицеры. Заболевших военнопленных положено было сдавать в госпитали.

Чтобы сохранить жизнь пленных при следовании в дальние губернии, государственные власти требовали снабжать их соответствующей времени года одеждой и обувью. Была разработана система выделения порционных денег и провианта, при этом особыми льготами пользовались офицеры и дезертиры. Военнопленным офицерам, в зависимости от чина, выдавались на питания суммы, в десять и более раз превышающие кормовые деньги, положенные нижним чинам. При финансировании пленных офицеров была использована русская система старшинства чинов, что создавало определенные сложности, помимо этого, возникали несоответствия между выплатами порционных денег армейскими и гражданскими чиновниками. Комендант Главной квартиры выдавал пленным суммы, близкие к постановлению Паулуччи, которые превышали средства, назначенные для финансирования военнопленных по предписанию от 29 августа.

При реализации на практике главного предписания Вязмитинова от 29 августа начали возникать различные проблемы, связанные в первую очередь с препровождением пленных в дальние губернии. Решению этих вопросов не было уделено должного внимания. Основа системы содержания военнопленных осталась неизменной, и петербургское начальство ограничилось лишь общими внушениями и частными указаниями. Так, оговаривались вопросы конвоирования, снабжения одеждой, было ограничено отправление пленных в Пермскую губернию и т.д.

Особое внимание государство уделяло военнопленным польской, испанской и португальской наций. С поляками поступили не как с пленными, а как с мятежниками. Их предписано было отправлять в Георгиевск для размещения на кавказской линии. К испанцам и португальцам, наоборот, государство проявило большую, по сравнению с другими пленными, снисходительность: они должны были отправляться в Санкт–Петербург и получать большие порционные деньги. Помимо этого французским, итальянским и голландским пленным предлагалось,

для облегчения их положения, поступать в специальный легион, формировавшийся в Орле.

Уже в декабре 1812 г. были сделаны первые попытки использовать военнопленных в экономике России. Но окончательное разрешение этот вопрос получил в 1813 г.

Задача удаления попавших в плен представителей Великой армии от театра военных действий оставалась, видимо, приоритетной, так как исходила из сложившегося военного положения. Вместе с тем государство проявляло определенную заботу и о жизни военнопленных. Был установлен порядок их обеспечения и финансирования. В течении 1812 г. создавалась основа системы содержания пленных, отвечавшая сложившейся ситуации в стране и позиции государства в отношении сохранения жизни военнопленных при следовании в дальние губернии. Дальнейшая отработка нормативной базы, регулировавшей положение военнопленных, пришлась на второй этап 1813–1814 гг.

Примечания

[1] ПСЗ. Т. XXIX. 22372.
[2] Там же, 22507.
[3] ГАКО. Ф.32, оп.19, д.192, л.172–176.
[4] Там же, л.171, 177.
[5] ПСЗ. Т.XXXII. 24975.
[6] Тамбовская губерния в 1812–1813 гг. (Рефераты, статьи, документы). Тамбов, 1914, с. 25.
[7] Там же, с.24–25.
[8] ГАКО. Ф.32, оп.20, д.22, л.542; Тамбовская губерния в 1812–1813 гг. , с.27.
[9] ГАКО. Ф.32, оп.20, д.22, л.542.
[10] Там же, л.562.
[11] Там же, л.561.
[12] Там же, л.581.
[13] Там же, л.648.
[14] ГАКО. Ф.32, оп.19, д.626, л.42; Сб. исторических материалов, извлеченных из канцелярии его императорского величества. Вып.14, Ч.2. СПб., 1914, с.148.
[15] ГАКО. Ф.32, оп.20, д.22, л.635.
[16] Там же, л.613.
[17] Там же, л.607.
[18] ГАКО. Ф.32, оп.19, д.530, л.603.
[19] Там же, д.626, л.42.
[20] ГАКО. Ф.32, оп.20, д.22, л.670.
[21] ГАКО. Ф.32, оп.19, д.901, л.11.
[22] Там же,, д.511, л.41, 116, 137; Калужский областной краеведческий музей. Инв. КЛ 725/1.
[23] М.И. Кутузов Сб. документов. Т.IV, ч.2. М., 1955, с.105; 97.

[24] *Михайловский–Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны в 1812 г. Ч.4.. СПб., 1839, с.360–361.
[25] Тамбовская губерния в 1812–1813 гг. (Рефераты, статьи, документы), с.31, 32.
[26] Там же, с.34–35; *Апухтин В.Р.* Формирование легионов из пленных французов, итальянцев и голландцев в Орле в 1812–1813 гг. М., 1913, с.7,8.
[27] ГАКО. Ф.32, оп.20, д.22, л.698.
[28] ГАКО. Ф.32, оп.19, д.530, л.7.
[29] Там же, л.74.